

УДК 821.111(73)

ВОПЛОЩЕНИЕ МОТИВА «ТАИНСТВЕННОГО» ПОРТРЕТА
В ТВОРЧЕСТВЕ В. ИРВИНГА

Е.С. РЫЖЕНКОВА

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР)

Рассматриваются новеллы В. Ирвинга (Washington Irving, 1783–1859) «Загадочный корабль» (*The Storm-Ship*, 1823), «Дом с привидениями» (*The Haunted House*, 1823), «Дольф Хейлигер» (*Dolph Heyliger*, 1823), «Таинственный портрет» (*The Adventure of the Mysterious Picture*, 1824), «Портрет молодого Итальянца» (*The Story of the Young Italian*, 1824). Исследуется воплощение мотива «таинственного» портрета в данных произведениях американского писателя.

В. Ирвинг – оригинальный и талантливый романтик, известный своими сатирическими хрониками, очерками, книгами о путешествиях. С него начинается заокеанская новелла, жанр, занявший в истории национальной литературы столь же важное место, как и роман; этот жанр будут развивать романтики, реалисты, натуралисты XIX в., писатели XX столетия – вплоть до наших дней.

Наряду с этим необходимо отметить следующее: В. Ирвинг начинает свое творчество с введения и одновременно пародирования атрибутов европейского романтизма. Это становится характерной чертой его новеллистики. Сочетание фантастического начала с реалистическим, мягкие переходы повседневного в волшебное – неременная черта произведений Ирвинга [1, с. 18–37].

В. Ирвинг во многих новеллах, как и другие писатели-романтики, обращается к национальным сюжетам, окрашивая их фантастическими тонами.

Здесь уместно обратить внимание на то, что у В. Ирвинга сохраняются все часто встречающиеся приемы европейского предромантизма и романтизма: в его новеллах присутствуют приведения, топосом для развертывания событий являются старинные дома, зловеще завывает буря, таинственно звучат шаги, сдвигаются стены, оживают портреты, духи появляются ровно в полночь и глухо стонут. Но, в отличие от морализаторской готической прозы, все это имеет иронический подтекст, а иногда пародийный. Так, закочевшее привидение отогревается у камина, оживший портрет оказывается ночным грабителем, заколдованная мебель двигается [1, с. 41].

В. Ирвинг преобразует клише европейского романтизма при помощи своей мягкой иронии, стараясь читателям показать необоснованность их суеверий и попыток во всем найти влияние потустороннего [1, с. 42].

Вашингтон Ирвинг особенным образом использует сюжеты, образы и мотивы, пришедшие из европейского романтизма. Налет юмора и иронии замечен во многих его новеллах. Автор не преминул обратиться и к мотиву «таинственного» портрета. Мотив используется в рассказах из сборников «Брейсбридж-холл» (*Bracebridge-Hall, or the Humorists*, 1823) и «Рассказы путешественника» (*Tales of a Traveler*, 1824).

Первый цикл новелл, в котором фигурирует «таинственный» портрет – это новеллы «Дом с привидениями» (*The Haunted House*, 1823), «Дольф Хейлигер» (*Dolph Heyliger*, 1823) и «Загадочный корабль» (*The Storm-Ship*, 1823).

Действие трех новелл связано с заброшенным и проклятым «домом с привидениями», местом, которое описано в лучших готических традициях: «Носилась молва, будто именно здесь происходят шабашные призраков. Я и сейчас еще отчетливо помню облик старого здания. Сколько раз слонялся я возле него с моими приятелями, отпетыми сорванцами и лоботрясами, когда по воскресеньям и в праздники мы пускались после обеда в пиратские набеги на пригородные сады! У самого дома росло великолепное дерево: ветви его гнулись под тяжестью чудесных, полных соблазна плодов, но оно было на заклятой земле; это место, как повествовали бесчисленные рассказы, пребывало во власти колдовских сил – и мы не решались к нему подступиться»⁷¹ [2, с. 109].

Главный герой новелл, юноша Дольф, оставшись ночевать в этом овеванном слухами домом, видит призрак своего предка: «Незнакомец медленно обошел комнату, как бы желая удостовериться, все ли на месте, затем, повесив шляпу на гвоздь возле двери, опустился в кресло и, опершись локтем о стол, устремил на Дольфа неподвижный, мертвенный взгляд. Дольф по складу характера не был трусом, однако воспитание привило ему безусловную веру в духов и призраков. В голове у него теснились тысячи

⁷¹ I recollect the old building well; for many times, when an idle, unlucky urchin, I have prowled round its precincts, with some of my graceless companions, on holiday afternoons, when out on a freebooting cruise among the orchards. There was a tree standing near the house, that bore the most beautiful and tempting fruit; but then it was on enchanted ground, for the place was so charmed by frightful stories that we dreaded to approach it [5, p. 245].

рассказов, которые ему довелось слышать об этом доме; когда он взглянул на сидевшую перед ним странную личность в столь необычном платье, с бледным лицом, седой бородой, застывшими, широко раскрытыми, похожими на рыбы, глазами, зубы его стали стучать друг о друга, волосы встали дыбом, и холодный пот выступил на всем теле»⁷² [2, с. 130].

Гораздо позже, в старинном доме своего знакомого, укладываясь на ночлег в спальне, Дольф замечает жуткий портрет незнакомца из «Дома с привидениями»: «...ему показалось, что он видит перед собой призрак из «Дома с привидениями», который уставился на него из погруженной в полутьму половины комнаты. Присмотревшись, он понял, что предмет, принятый им сначала за призрак, на самом деле не что иное, как старинный портрет фламандской работы, висевший в темном углу, рядом с платяным шкафом. Это было, однако, поразительно точное изображение ночного его посетителя. Тот же плащ, тот же камзол, перетянутый в талии поясом, та же борода с проседью, тот же устремленный в одну точку взгляд, та же шляпа с опущенными полями и пером, свисающим с одной стороны»⁷³ [2, с. 163].

Жуткие видения посещают молодого человека всю ночь, ему постоянно кажется, что человек на картине оживает, шевелится.

Предок, изображенный на портрете вершит судьбу молодого человека, помогая ему разбогатеть и удачно жениться, так как в «Доме с привидениям» старик показал потомку, где запрятал семейные ценности: «Выходит, – подумал он, – что старый призрак поступил правильно. Он считает, что если я добуду его богатства и его хорошенькая праправнучка станет моей женой, то обе ветви рода таким образом снова соединятся, и деньги попадут в надлежащие руки»⁷⁴ [2, с. 165].

В. Ирвинг не делает из этой истории никакого вывода, не закладывает никакого дидактизма в эту новеллу. Сам автор не совсем доверяет всем этим небылицам о призраках и оживающих портретах, которые переходят от одного рассказчика к другому, относя такого рода рассказы к байкам, которые существуют лишь для развлечения людей: «Изложенная выше повесть основана на гораздо более достоверных источниках, чем прочие повести подобного рода. Я познакомился с нею из вторых рук, через лицо, слышавшее ее из уст самого Дольфа Хейлигера. Он рассказал свою поразительную историю лишь в последние годы жизни, да и то под большим секретом (ведь он был чрезвычайно скрытен), в тесном кругу старых приятелей, у себя за столом, после более чем изрядного числа чаш крепкого пунша; и сколь ни загадочна та часть повести, где идет речь о призраке, гости его никогда не выражали ни малейших сомнений по этому поводу»⁷⁵ [2, с. 172].

Другой цикл новелл из сборника «Рассказы путешественника», объединенных одним сюжетом, открывается новеллой «Таинственный портрет», главный герой которой замечает картину на стене одной из спален старинного дома: «Огарок время от времени вспыхивал и бросал отсветы на портрет над камином, ранее не замеченный мною. Это была голова или, вернее, только лицо; мне показалось, что глаза портрета были устремлены на меня, и мне стало страшно. Портрет был без рамы, и мне не сразу удалось убедить себя, что передо мною – не живое лицо, как бы вылезавшее из темной дубовой стены. Я сидел в кресле и смотрел на портрет; чем больше я всматривался, тем сильнее ощущал в себе какую-то неясную тревогу и беспокойство. Никогда ни одна картина не производила на меня столь сильного впечатления. Вызываемые ею ощущения были неопределенны и необычны, в них заключалось нечто похожее на

---

⁷² He walked slowly round the room, as if examining that all was safe; then, hanging his hat on a peg beside the door, he sat down in the elbow-chair, and, leaning his elbow on the table, fixed his eyes on Dolph with an unmoving and deadening stare [5, p. 263].

Dolph was not naturally a coward; but he had been brought up in an implicit belief in ghosts and goblins. A thousand stories came swarming to his mind, that he had heard about this building; and as he looked at this strange personage, with his uncouth garb, his pale visage, his grizzly beard, and his fixed, staring, fish-like eye, his teeth began to chatter, his hair to rise on his head, and a cold sweat to break out all over his body [5, p. 263].

⁷³ he thought he beheld the phantom of the haunted house staring on him from a dusky part of the chamber. A second look reassured him, as he perceived that what he had* taken for the spectre was, in fact, nothing but a Flemish portrait, hanging in a shadowy corner just behind a clothes-press. It was, however, the precise representation of his nightly visitor: the same cloak and belted jerkin, the same grizzled beard and fixed eye, the same broad slouched hat, with a feather hanging over one side [5, p. 291].

⁷⁴ «What», thought he, «if, after all, this is the interpretation of my dream, that this is the way I am to make my fortune by this voyage to Albany, and that I am to find the old man's hidden wealth in the bottom of that well? But what an odd, round-about mode of communicating the matter ! Why the plague could not the old goblin have told me about the well at once, without sending me all the way to Albany to hear a story that was to send me all the way back again?» [5, p. 292].

⁷⁵ The foregoing tale rests on better authority than most tales of the kind, as I have it at second-hand from the lips of Dolph Heyliger himself. He never related it till towards the latter part of his life, and then in great confidence, (for he was very discreet,) to a few of his particular cronies at his own table over a supernumerary bowl of punch; and, strange as the hobgoblin parts of the story may seem, there never was a single doubt expressed on the subject by any of his guests [5, p. 299].

то чувство, которое, как я слышал, вызывают глаза василиска или таинственное обаяние некоторых змей, магнетически действующих на жертву»⁷⁶ [3, с. 74].

Наслушавшись страшных рассказов от хозяина дома о как будто бы существующей в доме «комнате с привидениями», герой новеллы беспокойно спит, и, разумеется, ему чудятся различные потусторонние вещи. Вашингтон Ирвинг юмористически описывает ощущения главного героя: «Из-за неудобного положения тела сон мой был беспокоен, и меня стали одолевать дикие и страшные сновидения. Предательский обед и предательский ужин ополчились против моего душевного спокойствия: меня терзал кошмар в образе жирного бараньего бока; плум-пудинг свинцом угнетал мою совесть, грудная косточка каплуна преследовала ужасающими пророчествами, и дьявольски переперченная ножка индейки мелькала в моем воображении в самых разнообразных сатанинских обличьях. Короче говоря, я мучился в тяжелом кошмаре. Мне казалось, что надо мной нависло какое-то странное, неотвратимое бедствие; что-то страшное и омерзительное угнетало меня, и я не мог от него избавиться»⁷⁷ [3, с. 73].

Хозяин дома подогревает интерес гостей к картине, которая обладает чарами: «Да, джентльмены, в комнате, отведенной нашему другу, действительно происходит нечто странное и необъяснимое: у меня в доме есть портрет, обладающий таинственной силой, и с этим портретом связана одна в высшей степени любопытная история. В силу целого ряда обстоятельств этот портрет представляет в моих глазах известную ценность, и, хотя на меня неоднократно находило искушение его уничтожить, ибо он порождает странные и неприятные ощущения у каждого, кто его видит, я все же не мог заставить себя принести эту жертву. Я сам не люблю смотреть на этот портрет; его боятся также все мои слуги. Я отправил его поэтому в отдаленную, почти всегда пустую комнату и велел бы занавесить его на ночь, если бы не наша беседа и не насмешливые разговоры по поводу комнаты с привидениями, побудившие меня оставить его на обычном месте с целью выяснить, произведет ли он какое-нибудь впечатление на человека нового, незнакомого с его историей»⁷⁸ [3, с. 82].

Баронет рассказывает историю знакомства с молодым итальянцем, которое состоялось при странных обстоятельствах в Венеции. Баронету часто встречался в городе молодой человек с затравленным взглядом, постоянно оглядывающийся по сторонам, как будто бежит от погони. Внешность в итальянца была неординарная: «Он был высоким и стройным, очень привлекательной наружности. Его черты были изящны, несмотря на излишнюю худобу. Волосы легкими кудрями увивали его голову. Они были густые, черные и блестящие, и контрастировали с чрезмерной бледностью его лица. Лицо его было изможденное; глубокие морщины отпечатались на нем, но не из-за возраста, а из-за забот, потому что итальянец был явно в расцвете юности. Глаза были выразительные, в них горел огонь, дикий и необузданный»⁷⁹ (перевод наш. – *Е.Р.*).

Страх и лихорадочная одержимость итальянца становились все сильнее день ото дня и в одно утро итальянец покинул баронета, оставляя ему письмо с историей своего несчастья и тот самый портрет, который висел на стене «комнаты с призраками». Прием зачитываемой рукописи – достаточно часто

---

⁷⁶ The uneasiness of my position made my slumber troubled, and laid me at the mercy of all kinds of wild and fearful dreams; now it was that my perfidious dinner and supper rose in rebellion against my peace. I was hag-ridden by a fat saddle of mutton; a plum pudding weighed like lead upon my conscience; the merry thought of a capon filled me with horrible suggestions; and a devilled leg of a turkey stalked in all kinds of diabolical shapes through my imagination. In short, I had a violent fit of the nightmare. Some strange indefinite evil seemed hanging over me that I could not avert; some thing terrible and loathsome oppressed me that I could not shake off [4, p. 229].

⁷⁷ The light on the mantel-piece had burnt low, and the wick was divided; there was a great winding sheet made by the dripping wax, on the side towards me. The disordered taper emitted a broad flaring flame, and threw a strong light on a painting over the fire-place, which I had not hitherto observed. It consisted merely of a head, or rather a face, that appeared to be staring full upon me, and with an expression that was startling. It was without a frame, and at the first glance I could hardly persuade myself that it was not a real face, thrusting itself out of the dark oaken pannel. I sat in my chair gazing at it, and the more I gazed the more it disquieted me. I had never before been affected in the same way by any painting. The emotions it caused were strange and indefinite. They were something like what I have heard ascribed to the eyes of the basilisk; or like that mysterious influence in rep tiles termed fascination [4, p. 230].

⁷⁸ Yes, gentlemen, there is something strange and peculiar in the chamber to which our friend was shown last night. There is a picture which possesses a singular and mysterious influence; and with which there is connected a very curious story. It is a picture to which I attach a value from a variety of circumstances; and though I have often been tempted to destroy it from the odd and uncomfortable sensations it produces in every one that beholds it; yet I have never been able to prevail upon myself to make the sacrifice. It is a picture I never like to look upon myself; and which is held in awe by all my servants. I have, therefore, banished it to a room but rarely used; and should have had it covered last night, had not the nature of our conversation, and the whimsical talk about a haunted chamber tempted me to let it remain, by way of experiment, whether a stranger, totally unacquainted with its story, would be affected by it [4, p. 230].

⁷⁹ He was tall and slender, and of extremely prepossessing appearance. His features were fine, though emaciated. He had a profusion of black glossy hair, that curled lightly about his head, and contrasted with extreme paleness of his countenance. His brow was haggard; deep furrows seemed to have been ploughed into this visage by care, not by age, for he was evidently in the prime of youth. His eye was full of expression and fire, but wild and unsteady [4, p. 236].

встречающийся мотив для готических и романтических произведений. Во-первых, это создает необходимую правдоподобность и искренность повествования (как в данном случае с письмом итальянца), а также придает оттенок мистицизма.

Итальянец описывает себя в своем признании как человека, наделенного с рождения необузданным нравом, а проведя все детство и юношество в монастыре стал его очень впечатлительным и суеверным: «В моем характере появилась тень меланхолии: и эти жуткие истории монахов о дьяволе, злых духах, которыми они пугали мое юное воображение, сделали меня суеверным и я никогда не мог изгнать эти суеверия из своей головы»⁸⁰ (перевод наш. – *Е.Р.*).

Главный герой новеллы «История молодого итальянца» – талантливый молодой художник, умеющий видеть и наслаждаться прекрасными вещами. Страсть к девушке Бьянке сломала жизнь итальянца. Лучший друг главного героя этой трагической повести вероломно предал Оттавио и обманом отобрал невесту. Итальянец, будучи человеком невоздержанным, как только узнал об измене, сразу же убил предателя, обрекая себя на пожизненные муки: «Постепенно эти бешеные угрызения совести превратилась в постоянную одержимость, одно из самых ужасных проклятий, которые могут изводить несчастного человека. Куда бы я ни пошел, лицо моей жертвы вставало у меня перед глазами. Всякий раз, когда я поворачивал голову, я видел его позади меня, и лицо его искажено предсмертной судорогой. Я изо всех сил пытался убежать от этого ужасного фантома, но напрасно»⁸¹ (перевод наш. – *Е.Р.*).

Портрет, висевший на стене в спальне рассказчика – есть ни что иное, как изображение жертвы итальянца, сделанное самим убийцей. Читатель может предположить, что итальянец, будучи прекрасным живописцем, весьма точно передал посмертный лик убитого им предателя, поэтому портрет имел такую необыкновенную силу и таинственность.

После прочтения письма итальянца баронет предлагает всем гостям пройти в комнату и взглянуть на тот «таинственный» портрет жертвы, которая пала от клинка итальянца. Все гости были под изрядным впечатлением от увиденного: «В конце концов, – сказал я, – в нашей природе есть определенные тайны, некоторые непостижимые импульсы и влияния, из-за которых люди становятся суеверными. Кто может объяснить тот факт, что так много людей разного характера были под впечатлением от простой картины?»⁸² (перевод наш. – *Е.Р.*).

Но, на кульминационном моменте новеллы читатель узнает, что никто не видел того самого портрета, нарисованного итальянцем. Гостям показали абсолютно другую картину: «И, особенно, учитывая, что никто из них его (портрет) не видел. – Сказал баронет, улыбаясь»⁸³ (перевод наш. – *Е.Р.*).

Таким финалом В. Ирвинг хочет доказать, что суеверность людей часто не знает границ и при наличии развитой фантазии можно увидеть в предметах окружающего мира то, что мы сами хотим увидеть.

В. Ирвинг юмористически обыгрывает в своих новеллах мотив «таинственного» портрета. Сам автор скептически относится к разным фантастическим рассказам и высмеивает суеверность людей. В. Ирвинг пишет новеллы в духе «историй о призраках», но делает вывод, что в реальной жизни призраков не существует. В. Ирвинг не изменяет готический канон, его «таинственные» портреты являются судьбоносными и вмешиваются в ход сюжета произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боброва, М.Н. Романтизм в американской литературе XIX века / М.Н. Боброва. – М. : Высш. шк., 1972. – 285 с.
2. Ирвинг, В. Новеллы / В. Ирвинг. – М. : Правда, 1987. – 352 с.
3. Портрет дьявола : собр. мист. рассказов / сост. С. Антонов. – М. : Эксмо, 2013. – 512 с.
4. Irving, W. The complete tales of Washington Irving / ed. by Charles Neider. – New York : Da Capo press, 1998. – 844 p.
5. Irving, W. The Complete Works of Washington Irving / W. Irving. – New York : Thomas Y. Crowell Company Publishers, 1929. – 310 p.

⁸⁰ An early tinge of melancholy was thus infused into my character: and the dismal stories of the monks, about devils and evil spirits, with which they affrighted my young imagination, gave me a tendency to superstition which I could never effectually shake off [45, p. 245].

⁸¹ By degrees this frenzied fever of remorse settled into a permanent malady of the mind-into one of the most horrible that ever poor wretch was cursed with. Wherever I went, the countenance of him I had slain appeared to follow me. Whenever I turned my head, I beheld it behind me, hideous with the contortions of the dying moment. I have tried in every way to escape from this horrible phantom, but in vain [4, p. 261].

⁸² «After all, said I, there are certain mysteries in our nature, certain inscrutable impulses and influences, which warrant one in being superstitious. Who can account for so many persons of different character being thus strangely affected by a mere painting? [4, p. 262].

⁸³ An especially when not one of them has seen it? Said the Baronet with a smile? [4, p. 262].